

Роль русофобии в поддержании политической идентичности украинского государства

Арсентий В. Глебездин

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

senagleb@gmail.com

Аннотация: целью настоящей статьи является выяснение роли русофобии в структуре украинской политической идентичности. Рассмотрены генезис и трансформации русофобских нормативно-ценностных установок в географических пределах современной Украины. Проанализированы основные способы проявления русофобии в социально-политических практиках. Выявлена стержневая роль русофобии, без которой нежизнеспособна вся конструкция национально-государственной идентичности Украинского государства. Делается вывод о необходимости системных усилий российской политической науки по выработке целостного проекта политической реинтеграции Украины в состав России и «Русского мира».

Ключевые слова: русофобия, политическая идентичность, Украина, терроризм, общественное сознание

Для цитирования: Глебездин А.В. Роль русофобии в поддержании политической идентичности украинского государства. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):154–167. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-154-167>

Поступила 01.03.2024

Принята в печать 27.03.2024

Опубликована 30.06.2024

The Role of Russophobia in Maintaining a Political Identity the Ukrainian State

Arsenti V. Glebezdin

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

senagleb@gmail.com

Abstract: the purpose of this article is to clarify the role of Russophobia in the structure of Ukrainian political identity. The genesis and transformations of Russophobic normative-value attitudes within the geographical boundaries of modern Ukraine are considered. The main ways of manifestation of Russophobia in socio-political practices are analyzed. The pivotal role

of Russophobia has been revealed, without which the entire structure of the national and state identity of the Ukrainian state is not viable. The conclusion is made about the need for systematic efforts of Russian political science to develop a holistic project for the political reintegration of Ukraine into Russia and the “Russian World”.

Keywords: Russophobia, political identity, Ukraine, terrorism, public consciousness

For citation: Glebezdin A.V. The Role of Russophobia in Maintaining a Political Identity the Ukrainian State. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(2):154–167. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-154-167>

Received 01.03.2024

Revised 27.03.2024

Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика настоящей статьи находится в точке сопряжения двух базовых понятий, вынесенных в название: «русофобия» и «политическая идентичность». Оба термина являются феноменами человеческого сознания (как индивидуального, так и коллективного), что предопределяет активное использование междисциплинарного подхода наряду со специальным эпистемологическим инструментарием политической науки в рамках настоящей статьи.

В частности, понятие «русофобии», некогда конституированное И.Р. Шафаревичем, рассматривалось в качестве культурно-исторического явления устойчиво-воспроизводимого характера в сознании определённых социальных групп в ареале самой Российской цивилизации [1]. Позднее ненависть к России на основе страха была констатирована в качестве стандартной категории ментальности творческой и политической элиты Запада как минимум с эпохи Просвещения или даже ранее [2, с. 116–129]. В качестве аксиологической установки русофобия стала основанием для актуальных политических стратегий XX–XXI вв.

Таким образом, рассматривая русофобию как объективную реальность в контексте политической идеологии и практической политики, можно выделить такие её типы/модусы, как внутреннюю и внешнюю. При определённых условиях два указанных типа могут контактировать между собой как в сфере развития идей, так и в пространстве реальной политики. Русофобия в контексте украинской политической идентичности представляет собой именно такой, смешанный тип политического сознания и маркера самой политической идентичности.

Второй базовый термин — «политическая идентичность», будучи разновидностью идентичности социальной и генетически связана с понятием «идентичности» как таковой, предполагает отождествление себя субъектом с трансперсональными политическими позициями и ценностями. Когда речь идёт о политической идентичности в масштабах государства, она фактически совпадает понятием «национально-государственной идентичности». Данные маркеры являются синонимами и вполне взаимозаменяемы в рамках нашего дискурса.

Таким образом, в статье предпринята попытка функционального синтеза двух самостоятельных понятий с элементами символического интеракционизма [3]. Поскольку отвлечённые смысловые категории усваиваются массовой аудиторией через создаваемые духовно-культурные образы, официальные документы и наполненные идейно-мифологическим смыслом артефакты. Которые, в свою очередь, приобретают символическое значение и служат мотиваторами для действий как политических элит, так и широких социальных слоёв.

Как показывают современные исследования идентичность любого уровня формируется и развивается в когнитивном пространстве символического хронотопа. Под ним «можно понимать гипотетическое, виртуальное, выдуманное, фантастическое время и пространство» [4]. Воображение, мифологичность при этом не есть синонимы лжи, но, скорее, обозначают идеальные структуры. При этом, требование поддержания их связи с реальностью сохраняется. Тотальный релятивизм, жонглирование явлениями семиосферы и приоритет знака над обозначаемым категорически неприемлемы [5, с. 32–40].

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Междисциплинарный подход предполагает достаточно широкий круг привлекаемой к исследованию литературы, которая может быть разделена на несколько групп. В первую следует отнести работы методологического характера, определяющие исследовательские принципы и понятийные границы в предметном поле настоящей статьи. Сюда относятся упомянутые выше издания о соотношении идентичности и символического хронотопа авторства Емелина В.А. и Тхостова А.Ш.; коллективную монографию, посвящённую

критике релятивистских гносеологических установок в современной науке, содержательную статью Ю.В. Ирхина, посвящённую методологии политического анализа [6, с. 71–80].

Вторую группу составляют работы, касающиеся русофобии как феномена политического сознания в прошлом и настоящем. Названные выше и ставшие классическими тексты И.Р. Шафаревича (внутриполитический ретроспективный аспект), Ф.Ф. Нестерова (внешнеполитический ретроспективный аспект), также более современные научные тексты. К последним относятся, в частности, статьи А.Н. Ильина, рассматривающие русофобию как актуальную реальность политической ментальности западных стран [7;8]; значительный интерес и прямое отношение к тематике данной статьи имеет публикация С.Г. Сизова о русофобии как значимом феномене политического мышления во взаимоотношениях России и Украины [9, с. 254–257]. Не менее значима статья А.И. Гуляева об истоках украинской русофобии, в которой не без успеха объединены ретроспективный и актуальный подходы [10]. Важнейшие обобщающие выводы, которые можно сделать применительно к работам второй группы, следующие: во-первых, русофобия является константой политического мышления и вытекающей из него политической практики целого ряда акторов политики; во-вторых, современная русофобия на Украине имеет длительные исторические корни; в-третьих, украинская разновидность русофобии является значимой частью украинского национализма и играет важную роль в обосновании политического бытия Украинского государства. Кроме того, можно высказать гипотезу о сближении западной и украинской русофобии как на мировоззренческом, так

и на прикладном уровне, их взаимной поддержке в противостоянии России и попытках её политической дезинтеграции.

К третьей группе следует отнести работы авторов, освещающие проблематику развития украинской политической идеи и самостоятельного политического бытия «украинской нации». Данная группа является очень обширной и к целям настоящей статьи привлекаются только некоторые её образцы. Ещё в 1998 году издательством журнала «Москва» в серии «Пути русского имперского сознания» опубликован сборник оригинальных текстов русских историков и филологов «Украинский сепаратизм в России». Основным лейтмотивом данного сборника становится развенчание притязаний украинских националистов на историческую, политическую, культурную и языковую субъектность с последовательным рассмотрением и опровержением основных мифологем [11]. Впоследствии под редакцией М.Б. Смолина публикуется целая серия книг аналогичной тематики: «Украинская болезнь русской нации» (антология работ) [12], «Русская Галиция и мазепинство» [13] (антология работ), «История украинского сепаратизма» С. Щеголева [14]. Одной из последних значимых работ является книга об украинском нацизме в историческом и актуальном ракурсах известного историка и политолога В.Э. Багдасаряна [15]. Современная политическая идентичность Украины представлена как опирающуюся на историческую традицию русофобии, западнического сервилизма и обречённую на нацистскую аксиологию.

В четвёртую группу входят научные тексты, посвящённые проблематике исторической памяти и её роли в формировании украинской национально-государственной идентичности. Политика формирования исторической памяти

постсоветской Украины как важнейшего основания украинской политической идентичности и, в то же время, способа её репрезентации, детально рассмотрена в книге Г. Касьянова «Украина и соседи» [16]. Значительный интерес представляет собой коллективная монография, посвящённая мемориальному образу СССР на постсоветском пространстве [17]. Об особенностях эксплуатации советского прошлого в политических целях, в том числе на Украине после 1991 года, говорится в статье А.Э. Ларионова [18].

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУСОФОБСКОГО КОМПОНЕНТА В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обращаясь непосредственно к предмету настоящей статьи, необходимо, в первую очередь, констатировать генетическую взаимосвязь между русофобскими нормативно-ценностными установками и становлением украинского этнополитического национализма, легшего в основу политической идентичности Украины как самостоятельной политии. Политическая идентичность Украины представляет собой динамический феномен, зародившийся и развившийся до своего нынешнего состояния в течение нескольких веков.

Начальной точкой отсчёта следует полагать момент Брестской церковной унии 1596 года, когда 4 западнорусских православных иерарха подписали документ о признании главенства Римского Папы и католической догматики в пределах Речи Посполитой при сохранении внешней православной обрядности и церковно-славянского языка в богослужении. В дальнейшем не «чистые» католики, а именно униаты (фактически — вероотступники) стали ударным отрядом жестоких гонений на тех своих соплеменников, которые

пожелали сохранить верность догматам Православия. Ввиду того, что западнорусское православное население польско-литовского подданства видело в качестве защитников Московских великих князей и царей, в униатской среде возникает и укрепляется активное отторжение всего того, что так или иначе было связано с Россией и русской этничностью. Таким образом, в основе русофобии как этнополитического явления и мировоззренческого феномена лежало отторжение Православия, которое впоследствии переросло в ненависть к русскому языку, культуре и России. Одновременно, именно религиозную составляющую следует полагать в качестве начала формирования украинской политической идентичности. Отличие западно-русского этнокультурного ареала от России по церковно-политическому признаку после 1596 года намного предвосхитило какие бы то ни было идеи строительства «незалежного Украинского государства». Важен факт в символическом ракурсе: это укоренение матрицы несвязанного с Россией, с русской этничностью и духовностью бытия, постепенно перешедшего в антагонизм. Если обратится к событиям текущих политических процессов на Украине, то видно, что данная мировоззренческая установка в полной мере сохраняется не только как абстрактная (наподобие этнических анекдотов в обыденном сознании, когда анекдоты, рассказываемые в неформальной обстановке о представителях того или иного этноса вовсе не означают реальной ненависти к ним), но и как руководство к действию.

Следующий этап развернулся во 2-й половине XVII — начале XVIII вв. В этот период казачья старшина Запорожской сечи осознаёт себя в качестве самостоятельной военно-политической силы

и пытается реализовать планы создания независимого казачьего государства в пределах Восточной (Левобережной) и Центральной Украины, которое бы выполняло буферную роль между Россией и Речью Посполитой, либо опиралось на Швецию в качестве гаранта политического суверенитета. На данном этапе, речь не шла об этнокультурном отделении от России. Скорее, о политических амбициях малороссийской казачьей элиты. Необходимым условием реализации этих амбиций, также как и в случае с Брестской унией, было отталкивание от России, которая рассматривалась в качестве помехи для обретения независимости. Ни о каком распространении идей политического суверенитета на широкие слои населения речи не шло. Равно как сам термин «Украина» не носил национально-государственного смысла, означая только лишь «земли у края» и употреблялся в дипломатической документации России и Речи Посполитой. Высшей точкой данного этапа стало т.н. «мазепинство», связанное с именем гетмана Ивана Мазепы, в период Северной войны открыто перешедшего на сторону Швеции. Однако, что показательно, за гетманом пошла лишь малая часть как казацкой старшины, так и низового казачества. Большая же их часть осталась верна России. При этом, мазепинство как политическое явление и как идея политического суверенитета строилось на двух концептуальных моментах: отталкивание от России и расширение прав и привилегий элиты казачества по образцу польских магнатов при вассальном подчинении Шведской короне и сохранении при этом определённой самостоятельности и внутренней автономии. Вероятно, расчёт Мазепы и его сторонников был на то, что Швеция даже в случае своей полной победы над Россией

окажется не в состоянии плотно контролировать столь удалённую территорию. Следовательно, в феномене мазепинства виден своеобразный оксюморон — «вассальный суверенитет» в синтезе с антирусским политическим вектором и расширении прав и привилегий элиты. внутреннего сущностно-содержательного наполнения у зачаточного проекта «шведской Украины» попросту не было.

Третий этап становления идеи украинской политической идентичности приходится на XIX — начало XX века. В промежутке от Венского конгресса до окончания Первой Мировой войны (1815–1918 гг.) осуществляется кристаллизация идей украинского национализма, независимого Украинского государства, концептуальных положений украинской этнополитической идентичности, включая конструирование языка и национального исторического нарратива. При этом, важнейшим фактором развития указанных процессов является воздействие экзогенных субъектов — в данном случае, австро-венгерских и германских спецслужб, видевших в «Украинской идее» мощное средство ослабления главного геополитического соперника в Европе — Российской империи. Без финансовой и организационной помощи австро-германских разведывательных структур украинский национализм едва ли сумел бы обрести свою плоть и кровь, став действенной силой этнополитических процессов в Восточной Европе. Конечно, у идеи украинской национально-государственной идентичности были и вполне искренние адепты, которые действительно верили в то, что писали и говорили. Сама идея «украинского народа» как субъекта истории, политики и культуры в течение XIX — начала XX веков прошла путь от концепта «культурной автономии» в недрах Кирилло-Мефодиевского

общества до масштабной концепции «Украины-Руси» в исторических трудах М.С. Грушевского. При этом, противопоставление вольной Украины дикой «Московии» является неотъемлемой частью практически всех научных, публицистических и художественных текстов, составивших позднее каноническую основу украинского национализма. Достаточно привести пример из стихов Тараса Шевченко:

Кохайтеся, чорнобріві,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужі люде,
Роблять лихо з вами [19].

Следующими этапами стали межвоенный период (1918–1939 гг.) и Вторая Мировая война. Формируется и становится активной военно-политической силой Организация украинских националистов (ОУН) и подчинённая ей Украинская повстанческая армия (УПА) [организации запрещены в России]. Будучи тесно связаны со спецслужбами Третьего рейха, эти террористические структуры своё основное предназначение видели в борьбе всеми доступными средствами с «жидовско-москальским игом». То есть были направлены конкретно в сторону СССР и собственно — России. Лейтмотив русофобии как краеугольного камня украинской политической идентичности приобретает доминирующее над всем прочим значение.

В качестве доказательства можно привести цитаты из аутентичного документа периода нацистской оккупации Украины — один из типичных протоколов собрания, на котором выражалась лояльность оккупационным властям и формулировались базовые принципы «незалежной Украины»: «...Делегаты съезда в своих выступлениях выносят искреннюю сердечную благодарность немецкому

правительству за освобождение украинского народа из-под ига красной Москвы..., а также приветствуют провод украинских националистов... который борется за свободное независимое украинское государство... История борьбы за независимость украинского народа написана кровью лучших сынов Украины. В древности перед великим Украинским государством, которым руководил Владимир Великий, князь-завоеватель, дрожала азиатская Россия, татарва, ляхи и другие народы...» [20].

Такого рода текстов в отмеченном хронологическом промежутке родилось во множестве. Обращает на себя внимание именно «антимоскальская» их заострённость, которая часто отчётливо доминирует в плане объёма над созидательным содержанием. Получается, что обоснование политико-исторического бытия только намечаемого «Украинского государства» осуществляется, преимущественно и в первую очередь, именно через концепт антагонистического противоборства с «азиатской Россией».

Послевоенный период развития украинской русофобии тесно связан с «Холодной войной» и противостоянием СССР и США в 1946–1991 гг. [21]. Мотив борьбы с Москвой и «русским игом» по-прежнему оставался значимым и приобретал откровенно террористические формы — вплоть до возведённого в ранг основной практики массового уничтожения советских солдат и активистов, а также тех семей из числа украинского населения, которые отказывались поддержать украинских националистов. При этом практиковались показательные изуверские расправы. Фаза открытой борьбы и террора продолжалась до середины 1950-х годов. Обоснованием террора служили именно обвинения в поддержке Москвы. Таким образом, матрица

жестоких физических расправ с теми, кто рассматривал будущее Украины в союзе с Россией оказывается прочно вписана как в практику, так и в теорию послевоенного украинского национализма, а, следовательно, в подпольную политическую идентичность проектируемого украинскими националистами Украинского государства.

После 1991 года начался новый этап развития мировоззренческой модели политической идентичности Украины и, вместе с ней, русофобии как её неотъемлемого компонента. Практически впервые за всю историю развития украинского национализма суверенное Украинское государство без каких-либо насильственных действий стало реальным и полноценным субъектом политики. Если рассуждать со строго формальной точки зрения, то Россия не только никак не препятствовала, но даже помогла обретению государственной независимости Украиной, политическая идентичность которой из разряда подпольной мечты перешла в стадию легальной и легитимной политической действительности. Тем самым *de facto* устранялся повод для русофобии и упреков России в антиукраинской позиции. Однако в реальности наблюдался парадоксальный процесс усиления русофобских настроений в рядах украинской политической и культурной элиты, в сфере школьного образования, языковой политики, исторической политики и политики памяти. Вектор внешней политики Украинского государства после 1991 года также имел ярко выраженный антироссийский/русофобский вектор. У новейшей украинской русофобии было два пика: период президентства Виктора Ющенко в 2005–2010 гг. и от начала «Второго майдана» в 2013 году по настоящее время (2024 г.). Следовательно, половина всего периода существования

современного Украинского государства прошла под знаком усиливающейся русофобии, которая охватила к настоящему моменту практически все сферы жизни государства и общества на Украине, превратившись в маркер политической лояльности и патриотизма на большей части украинской территории. При этом формы проявления русофобии приобрели необычайно многообразный характер.

Таким образом, русофобия оказывается неотделима от становления и развития украинского национализма и проецируемого им проекта украинской политической идентичности. Более того, собственно русофобия в пределах Юго-Западной Руси, которая впоследствии стала рассматриваться как «Украина», зародилась значительно раньше собственно украинского национализма и его политического проектирования. Вначале русофобия носила религиозный, антиправославный характер, затем — сепаратистски-политический, коллаборационистский, но не этнический или культурный. То есть в течение первых двух веков не было и быть не могло противопоставления сущностного «украинского» этнокультурного ядра русскому. Но было только политическое отталкивание амбициозной казацкой элиты от России (без употребления маркера «Украины») и инспирированное католичеством униатское отторжения Православия. Только с середины XIX столетия начинается кристаллизация более целостного русофобского мифа в неразрывной связи с конструированием украинской этнополитической идентичности. Потребовалось ещё более столетия, чтобы на этой основе окончательно оформилась украинская политическая идентичность с имманентно «вшитой» в неё русофобской матрицей. Именно русофобия в различных своих проявлениях (религиозная, политическая,

языковая, культурная, научно-историческая) является важнейшим источником политической концепции «Украина» и её национально-государственной идентичности. В предельно краткой формулировке: не русофобия вытекает из украинской политической идентичности, а украинская политическая идентичность вытекает из русофобии.

РУСОФОБСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК ЧАСТЬ ПРОЕКТА «УКРАИНА»

Известное высказывание В.И. Ленина «идеи становятся силой, когда овладевают массами» [22], является аксиомой политической идеологии в силу своего универсального и очевидного характера. Развивая это утверждение, можно прийти к выводу о том, что любая политическая идея, овладевшая массами, неизбежно воплощается в политической практике и оказывает непосредственное влияние на социальные отношения, вплоть до повседневного поведения людей. Следовательно, русофобия как структурообразующий компонент всей конструкции украинской политической идентичности должна неизбежно иметь предметные проявления в реальных общественных отношениях, в социальных практиках и коммуникациях — как официального, так и частного характера.

Интересен новейший исторический период — с 1992 года по настоящее время. В первую очередь, необходимо обратить внимание к культурной жизни и конкретно — к кинематографу, который объективно является мощным средством политической пропаганды и формирования общественного сознания. По мнению одного из современных авторов о роли русофобии в украинском политическом сознании: «Именно русофобия (и ничто иное, к сожалению) лежит в основе

национального самосознания украинского народа. Именно на русофобии строится политика «национального украинского государства». Украинец не может быть украинцем, не будучи русофобом в большей или меньшей степени — часто в латентной форме» [23]. В качестве примеров целенаправленной трансляции в сознании русофобского аксиологического комплекса приводятся два разнесённых по времени художественных фильма: «Молитва о гетмане Мазепе» (2022 год) и «Поводырь» (2014 год). В первом из названных фильмов украинским режиссёром предпринята попытка «переосмысления» образа Петра I и его антагониста согласно сюжету — гетмана Ивана Мазепы. Образ Петра представлен в отталкивающих тонах — как садиста и извращенца. Соответственно, гетман Мазепа предстаёт в качестве героя национально-освободительной борьбы Украины против имперских планов «Московии», угрожающей не только Украине, но и Европе. Создаётся исторический миф агрессивной России с правителем-носителем психосексуальных патологий.

Второй фильм посвящён эпохе индустриализации и коллективизации на Украине. Место действия — Советский Союз, Украина, тридцатые годы. Главный положительный герой «Поводыря» — американец Майкл Шемрок, который помогает модернизации сельхозтехники украинского колхоза. Антагонист Майкла — русский чекист Владимир, который никому не помогает, всех терроризирует, фашиствует и ревнует красивую украинку к американцу. Осиротевший американский мальчик Питер (у Шемрока есть сын) сбегает из дому и встречает слепого кобзаря, который также скрывается от преследования «кровавого режима». Оставшуюся половину фильма маленький американец

ведёт слепого украинца через поля [23]. Образно-символический ряд данного фильма вполне очевиден: Россия стремится насилем закабалить Украину, тогда как Америка способна вывести её к свету цивилизации вопреки всем враждебным проискам. Россия, русские и русский язык представлены в качестве экзистенциальных врагов вольной, свободолубивой и изобильной Украины.

Другой немаловажный модус проявления русофобских установок — религиозные отношения и религиозная политика на современной Украине. Здесь мы можем видеть, как возобновляются матрицы четырёхсотлетней давности, когда Православие подвергалось гонениям со стороны униатов. С рубежа 1980–1990-х годов происходит постоянная череда захватов униатами православных храмов, демонстративных актов издевательства, насилий и глумления над канонической УПЦ и прихожанами храмов, которые сохраняют каноническую связь и подчинение Московскому Патриарху. Уже 29 октября 1989 года была проведена пробная демонстрационная акция во Львове: униатами при попустительстве правоохранительных и государственных органов был захвачен Преображенский собор. В последующем активистами раскольнического «Киевского патриархата» осуществляют регулярные захваты храмов в разных областях, нападения на монастыри и другие провокации. «23 июля 2000 года, в день памяти прп. Антония Печерского группа из 200 украинских националистов, возглавляемая депутатом Верховной рады Олегом Соскиным, попыталась ворваться в Киево-Печерскую лавру. От прихожан УПЦ они требовали «не осквернять украинскую землю своим присутствием» и «убираться в свою Москву»» [24]. Чрезвычайно характерны три момента:

антирусский характер такого рода акций. Проблематика религиозной истины и каноничности фактически оказывается подчинена националистической повестке. Далее, различные религиозные структуры (униаты, секты, неканонические раскольничьи «церкви») оказываются едины в своей ненависти к России и Московской Патриархии; наконец, при очевидно противоправном, часто откровенно криминальном характере всех подобных акций никто из их организаторов и участников никогда не понёс никакой ответственности. То есть государство поступает законом ради националистов и возводит церковную русофобию в ранг легитимной политической практики. На протяжении всего постсоветского периода нападки на Православие как «агента Москвы» могли ослабевать или усиливаться в зависимости от текущего момента, но не прекращались и не осуждались никогда официально никем из руководителей государства и государственных органов власти. В лучшем случае, высшие должностные лица пытались соблюсти баланс и усидеть на двух стульях, поочерёдно делая реверансы то церковным националистам-русофобам, то канонической УПЦ и Московской Патриархии.

В так называемый «постмайданный период», с 2014 г. и до настоящего времени включительно, религиозная русофобия окончательно приобрела не просто легитимный, но государственный статус в качестве обязательной практики и демонстрации лояльности, распространившись на массовый уровень и получив поддержку СБУ. «В октябре — декабре 2022 года СБУ провела массовые обыски в монастырях, храмах и административных зданиях епархий УПЦ по всей Украине. В качестве мотивировки своих действий представители спецслужбы заявляли о причастности

служителей церкви «к распространению идей, посягающих на территориальную целостность Украины и разжигание религиозной розни». В частности, 22 ноября сотрудники СБУ провели обыски в Киево-Печерской лавре, назвав их «контрразведывательными мероприятиями», призванными не допустить «использования монастыря как ячейки русского мира» [24].

На примере изменения конфессиональной ситуации на Украине можно увидеть, что сама русофобия является динамичной мировоззренческой константой, изменяя свой социально-политический статус, распространение в обществе, содержательно-смысловое наполнение и, в свою очередь, не только превращаясь в инструмент построения и демонстрации украинской политической идентичности, но и меняя социум, всю политическую реальность: то есть превращаясь в актора политических трансформаций современной Украины.

Ещё одним вектором проявления русофобии как компонента украинской политической идентичности является непосредственное участие многих активистов украинского национализма в антироссийских действиях вплоть до вооружённо-силовых и террористических акций. Как неопровержимо установлено российскими органами правопорядка и государственной безопасности, украинские националисты принимали непосредственное участие в действиях антироссийских вооружённых бандформирований в период вооружённых конфликтов на территории Чеченской республики в 1994–1996 и 1999–2004 гг. Об этом имеются признания как самих украинских националистов, так и российских военнослужащих, сталкивавшихся с ними в ходе боевых действий. При этом указывается, что «свидомые украинцы» в бандформированиях

отличались большей жестокостью к российским солдатам-пленным, нежели местные «защитники ислама» [25].

Будучи интерпретирован в символическом ключе, данный факт показывает: сложился крайне странный мезальянс радикальных исламистов и поборников «национальной и расовой чистоты» украинского народа. Две совершенно разных идейно-политические силы, которые, казалось бы, не могли сотрудничать между собой в принципе, сошлись на почве чистой и беспримесной ненависти к России и русскому народу. Если говорить о персонализированном выражении украинской политической идентичности, то получается, что для носителей данного концепта национально-государственная идентичность страны отождествляется с возможностью безнаказанно убивать носителей русской идентичности. Такая патологическая самопрезентация политической идеи получается подтверждение в последующих политических акциях и отношении к ним знаковых фигур украинского политического пространства.

Широкий резонанс получила трагедия Дома профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года, когда в результате действий украинских националистов в пожаре погибло более 40 человек. Характерна реакция одного из наиболее одиозных деятелей «постмайданной Украины», являющегося, в определенном смысле, символом новейшей украинской государственности — Александра Турчинова [заочно находится под следствием СК РФ], кощунственно заявлявшего после трагедии, что он любит «русских по-одесски и люля из русского младенца». Столь эпатажные заявления означают, что в сознании политической элиты Украины произошло «расчеловечивание» образа русских, низводимых на уровень публичной коммуникации до уровня

животных, в отношении которых снимаются табу на убийство, поскольку они низведены на уровень животных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цикл развития русофобии в контексте формирования украинской политической идентичности можно считать завершённым: он начался с предательства и дискриминации исконной религии, продолжился через политическое предательство, затем последовала апология ненависти к русскости как маркер идентичности, легитимация насилия и террора в отношении русских и России как якобы главных поводов для историко-политической самореализации Украины и, наконец, отрицание человечности русских, служащее оправданием любого изуверства и отмены нравственных ограничений. Таким образом, этнополитическая идентичность Украины в своём максимальном выражении сводится к идеологии расчеловечивания и уничтожения русских. Это и есть основа самоотжестовленности Украины как политического проекта, заменяющая ей позитивно-созидательную грань идентичности. Если представить себе гипотетическую ситуацию отсутствия России как историко-культурно-политического феномена, то украинская идентичность неминуемо подвергнется быстрой эрозии и перестанет существовать, лишившись своей единственной точки опоры, в ненависти к которой (русифобии) она черпает ресурсы и энергию для собственного бытия.

Однако, и в текущей политической реальности перспективы существования украинской политической идентичности представляются туманными именно в силу отсутствия у неё позитивного содержания. Военные действия против России и при поддержке западных стран способны продлить её псевдо-существование,

в качестве платы взимая тысячи жизни населения «Украинского государства». Спровоцированный киевским режимом масштабный военный конфликт является кульминационной точкой выдуманной политической идентичности и, в то же время, началом её конца.

За прошедшие с момента Брестской унии столетия выработалась традиция отторжения от русскости, сформировался слой людей, впитавших наследственную русофобию как главный мотив своей социальной деятельности. Выработался стереотип терроризма и насилия в отношении тех, кто отказывается от признания фейковой патологической идентичности на основе русофобии. Создан корпус псевдонаучных трудов в области истории, педагогики [10], культурологии, филологии, этнографии, социологии и политологии, призванных фундаментализировать национально-государственную идентичность Украины [17; 20; 21].

Но, какую бы её грань ни брать — всюду обнаруживается первенствующее доминирование отрицательной составляющей при явном дефиците или отсутствии положительного сущностного содержания. Соответственно, задача российской политической науки заключается в том, чтобы предложить такой интегрированный и реалистичный проект русской политической идентичности, которая с течением времени смогла бы дезавуировать русофобскую политическую идентичность Украины и ликвидировать её последствия в общественном сознании постепенно освобождаемых территорий. В идеале, усилиями российского социально-гуманитарного знания должны быть разрушены когнитивные основания символического хронотопа украинской политической идентичности посредством возвращения к подлинным смыслам национально-государственного бытия России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шафаревич И.Р. Русофобия. Москва: Алгоритм; 2022. 352 с.
2. Нестеров Ф.Ф. Русский сфинкс // Пульс-89: Молодёжный общественно-политический альманах. Москва: Молодая гвардия; 1989. 223 с.
3. Халас Э. Символы и общество. Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный центр; 2021. 296 с.
4. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Идентичность и символический хронотоп. Москва: Канон+; 2021. 304 с.
5. Нийнилуото И. Критические замечания о когнитивном релятивизме // Релятивизм как болезнь философии. Москва: Канон+; 2015. 392 с.
6. Ирхин Ю.В. Методология и методика современного политического анализа: подходы и проблемы. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2012; 6:71-80.
7. Ильин А.Н. Русофобия как идеологический тренд в информационном пространстве Запада. *Свободная мысль*. 2020; 1:23-34
8. Ильин А.Н. Русофобия Запада, построенная на современных событиях: когда идеологемы противостоят реальности. *Горизонты гуманитарного знания*. 2019; 1:14-47. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2019.1.2>
9. Сизов С.Г. Русофобия как разновидность политического и культурного экстремизма (Украина и Россия). *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2015; 2(43):254-257
10. Гуляев А.И. Истоки украинской русофобии. *Власть*. 2023; 4:254-257. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9697>
11. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола, Сборник //

- Вступ. статья и комментарии М.Б. Смолина. Москва: Издательство журнала «Москва»; 1992. 432 с.
12. Украинская болезнь русской нации. Москва: Имперская традиция; 2004. 560 с.
 13. Русская Галиция и «мазепинство». Москва: Имперская традиция; 2005. 592 с.
 14. Щёголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. Москва: Имперская традиция; 2004. 472 с.
 15. Багдасарян В.Э. Украинский нацизм. Исторические истоки. Москва: Издательство «Наше завтра»; 2023. 528 с.
 16. Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика 1987-2018. Москва: НЛЮ; 2019. 632 с.
 17. Багдасарян В.Э., Журавлёв В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. Москва: Проспект; 2022. 304 с.
 18. Ларионов А.Э. Власть и память: советское прошлое в исторической политике постсоветских режимов. *Власть*. 2021; 6(29):173-177. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8710>
 19. Шевченко Т.Г. Катерина. URL: [https://uk.wikisource.org/wiki/Кобзарь_\(1876\)/Том_1/Катерина](https://uk.wikisource.org/wiki/Кобзарь_(1876)/Том_1/Катерина) (дата обращения 30.03.2024)
 20. Жизнь в оккупации. Винницкая область 1941-1944 гг. (Документы советской истории) / сост. В.Ю. Васильев и др. Москва: РОССПЭН; 2010. 856 с.
 21. Крашенинникова В., Суржик Д. Украинский национализм на службе Западу. Москва: Кучково поле; 2023. 144 с.
 22. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. Москва: Политиздат; 1969. 584 с.
 23. Кузнецов Д. Русофобия в украинском кино. URL: <https://vernisky.ru/uploads/documents/549c6b7af2ad471e773c6f93.pdf> (дата обращения 30.03.2024)
 24. История притеснений Украинской Православной Церкви. 2 декабря 2022. URL: <https://tass.ru/info/16486349?ysclid=lui4m81hv7995707654> (дата обращения 02.04.2024)
 25. Сергей «Спайкер» Сакин. Ветераны двух чеченских кампаний об участии украинских наёмников. 23 сентября 2014. URL: <https://www.ridus.ru/veterany-dvuh-chechenskih-kampanij---ob-uchastii-ukrainskih-naemnikov-167910.html> (дата обращения 02.04.2024)

REFERENCES:

1. Shafarevich I.R. Russophobia. Moscow: Algorithm; 2022. 352 p. (In Rus).
2. Nesterov F.F. Russian Sphinx // Pulse-89: Youth socio-political almanac. Moscow: Young Guard; 1989. 223 p. (In Russ.).
3. Halas E. Symbols and society. Interpretive Sociology. Kharkov: Humanitarian Center; 2021. 296 p. (In Russ.).
4. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Identity and symbolic chronotope. Moscow: Kanon+; 2021. 304 p. (In Russ.).
5. Niiniluoto I. Critical remarks about cognitive relativism. Relativism as a disease of philosophy. Moscow: Kanon+; 2015. 392 p. (In Russ.).
6. Irkhin Yu.V. Methodology and techniques of modern political analysis: approaches and problems. *Problem analysis and public management design*. 2012;6:71-80. (In Russ.).
7. Ilyin A.N. Russophobia as an ideological trend in the Western information space. *Free thought*. 2020;1:23-34 (In Russ.).
8. Ilyin A.N. Russophobia of the West, built on modern events: when ideologies confront reality. *Horizons of humanitarian knowledge*. 2019;1:14-47. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2019.1.2> (In Russ.).
9. Sizov S.G. Russophobia as a type of political and cultural extremism (Ukraine and Russia).

- Bulletin of Omsk University. Series "Law".* 2015;2(43):254-257 (In Russ.).
10. Gulyaev A.I. The origins of Ukrainian Russophobia. *Power*. 2023;4:254-257. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v3i4.9697> (In Russ.).
 11. Ukrainian separatism in Russia. Ideology of national schism, Collection // Intro. article and comments by M.B. Smolina. Moscow: Publishing house of the magazine "Moscow"; 1992. 432 p. (In Russ.).
 12. Ukrainian disease of the Russian nation. Moscow: Imperial Tradition; 2004. 560 p. (In Russ.).
 13. Russian Galicia and "Mazepinism". Moscow: Imperial Tradition; 2005. 592 p. (In Russ.).
 14. Shchegolev S.N. History of "Ukrainian" separatism. Moscow: Imperial Tradition; 2004. 472 p. (In Russ.).
 15. Bagdasaryan V.E. Ukrainian Nazism. Historical origins. Moscow: Publishing House "Our Tomorrow"; 2023. 528 p. (In Russ.).
 16. Kasyanov G.V. Ukraine and its neighbors: historical politics 1987–2018. Moscow: NLO; 2019. 632 pp. (In Russ.).
 17. Bagdasaryan V.E., Zhuravlev V.V., Larionov A.E., Fedorchenko S.N., Shultz E.E. Perception of the Soviet past in the context of the formation of new identities, memory wars and images of the future in the post-Soviet space. Moscow: Prospekt; 2022. 304 p. (In Russ.).
 18. Larionov A.E. Power and memory: the Soviet past in the historical politics of post-Soviet regimes. *Power*. 2021;6(29):173-177. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8710> (In Russ.).
 19. Shevchenko T.G. Katerina. URL: [https://uk.wikisource.org/wiki/Kobzar_\(1876\)/Volume_1/Katerina](https://uk.wikisource.org/wiki/Kobzar_(1876)/Volume_1/Katerina) [accessed: 30.03.2024] (In Russ.).
 20. Life under occupation. Vinnytsia region 1941–1944 (Documents of Soviet history) / comp. V.Yu. Vasiliev et al. Moscow: ROSSPEN; 2010. 856 p. (In Russ.).
 21. Krashenninnikova V., Surzhik D. Ukrainian nationalism in the service of the West. Moscow: Kuchkovo Pole; 2023. 144 p. (In Russ.).
 22. Lenin V.I. Will the Bolsheviks retain state power // Lenin V.I. PSS. T. 34. Moscow: Politizdat; 1969. 584 p. (In Russ.).
 23. Kuznetsov D. Russophobia in Ukrainian cinema. URL: <https://vernsky.ru/uploads/documents/549c6b7af2ad471e773c6f93.pdf> [accessed: 30.03.2024] (In Russ.).
 24. History of oppression of the Ukrainian Orthodox Church. December 2, 2022. URL: <https://tass.ru/info/16486349?ysclid=lui4m-81hv7995707654> [accessed: 02.04.2024] (In Russ.).
 25. Sergey "Spiker" Sakin. Veterans of two Chechen campaigns about the participation of Ukrainian mercenaries. September 23, 2014. URL: <https://www.ridus.ru/veterany-dvuh-chechenskikh-kampanij---ob-uchastii-ukrainskikh-naemnikov-167910.html> [accessed: 02.04.2024] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Арсентий В. Глебздин, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
senagleb@gmail.com

Arsenti V. Glebezdin, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
senagleb@gmail.com